Горьковская правда
г. Горький
16 АПР 1985

РАЗДУМЬЯ, ПОИСКИ, СВЕРШЕНИЯ

Для чего живет человек, что является самым важным в его жизни? — вот вопрос, на который [illegible] Горьковский драматический театр в нашей стране искусство вправе утверждать, помогая советским людям понять смысл их событий, сделать их социально практику собранной и целенаправленной, обогащает их духовно. Искусство театра через правдивые и яркие образы героев вносит в формирование социального опыта [illegible] нового мира. Оно воспитывает сотни сотен людей, создание режиссуры и театральные залы, воспитывает социально значимые и эстетические.

Каждому из нас, что называется, ведомо, что такое и сценическому творчеству, совершенно ясно: театр способствует — и в этом его главная сила! — овладению коммунистическим мировоззрением, партийным пониманием смысла жизни.

Вера Железнова — В. Пашенная, Егор Булычов — Б. Щукин — внутренне и многие другие образы, созданные в разное время и на разных сценах, показали со всей убедительностью партийность, гражданственность жизнеосуществления и необходимость борьбы с капиталистическим «вирусом сидра». В эпоху социалистическом обществе возникает необходимое стремление к новому труду, помогающему строить светлое будущее — коммунизм. Такое смысл жизни Мартынова, мамы знаешь его мы! театр в спектакле «Совесть». Естественно, что понимание жизненных ценностей, в частности у людей и значимости от изменения условий общественной жизни, от того, насколько человек увидит опыты, в какой мере глубина нашей современник своя мировоззрение.

Театр призван раскрыть объективную значимость жизни героя, многогранность его характера, единую заскленность, красоту человеческих чувств.

Смысл жизни — не отдельные дни, стоящие перед отдельными людьми и достигаемые при этом борьбе на разных позициях — будь то [illegible] — а в этом его главная [illegible] для чем человек [illegible] завоевание идеала. Отсюда в нашем творческом поиске любое искусство сцены, уважая его, мы-первых, хотим повышение выразить содержание произведения драматурга, а, во-вторых, стремимся найти нужные средства выражения, отвечая одновременно на вопрос «что?» и на вопрос «как?». Вера важная, актуальная проблема не может быть решена на уровне [illegible] вывести вывести, но пустых внутренне, фальшивых приемов.

Наше зрителя, вероятно, давно уже обратили внимание на то, что театры и кинематограф в поисках литературных все чаще обращаются не к собственно драматургии, а к художественной литературе, представляющей в драматургии «сырой» материал. Не случайно поэтому или более значительные события в жизни нашего театра произошли в последние годы с инсценировками «Братьев Ершовых» по роману В. Кожевникова, «Совесть» по повести Д. Павловой, «Жили-были старик со старухой» (правда, по кино-сценарию, но родившуюся прежде чем литературно-художественным достоинствам!) и, наконец, одна из последних работ театра — «Жаркое лето в Берлине». Во всех четырех случаях мы — театр был первооткрывателем: «Братья Ершовы» впервые вышли на сцену в Горьком, город ивановский «Совесть» поставлен в Горьком раньше, Москве почти одновременно. «Жаркое лето в Берлине» после постановки в Горьком стало широко тиражировано в стране в сценической редакции нашего театра.

В центре внимания всего коллектива нашего театра — режиссер. И здесь прежде всего хочется сказать о тщательности, многовековом опыте театра от творчества литераторов-горьковчан.

Совсем недавним наша премьера драматических композиций И. Барсукова по рассказам В. Мельникова-Печерского «На горах». В литературной спектакля театр сумел отыскиваться всем, в частности, и, кроме в первом действии, «На горах» на стене не показывали. В работе над прозой Мельникова-Печерского, Барсукова и нашего театра поражены путями обычной инсценировки, а создал произведение в форме композиции [illegible] драматургии, выразив отдельные эпизоды в виде [illegible] сценическим [illegible] языком.

События, происшедшие с купеческой деревней Дуней Самосоновой, попавшей в сети одной из самых мужеребских сект — в хлыстах, ведь на широком социальном фоне. Нас увлекла возможность выразить идею трагической несовместимости естественных, здоровых человеческих чувств с религией, которая приучит запинаемого религиозной идеологией [illegible] к [illegible] мышлению, от [illegible] [illegible] [illegible]